

Арина
ЛЕЛЬ

ГРЕШНИКИ

МЫ В ОТВЕТЕ ЗА ТЕХ, КОГО ПРИРУЧИЛИ

Агата Лель

Грешники

<https://litres.ru/74214528>

Аннотация

РОМАН ИЗДАН В «ЭКСМО»

– Мама, кто этот мужик? Я пришла домой, а он сидит на моей кухне! – шепчу в трубку, подсматривая в замочную скважину за незванным гостем. На замок закрылась, дурочка. Да ему мизинцем достаточно пошевелить, чтобы разнести дверь комнаты в щепки. – Огромный такой, в берцах. Кто он? – Это брат Марата. Он приехал в город на пару дней и ему надо было где-то остановиться. Ну я и дала ему ключи от нашей квартиры. Ты против? – Не знала, что у моего нового "папочки" есть брат. А если он психопат? Или того хуже – извращенец? – Ну что ты такое говоришь, Вик! Не бойся, он тебя не тронет. ----- Он пришёл в мой дом ночью. Чужой. Незнакомый. Взрослый. Моё грешное безумие. Мой... Опекун

#военнослужащий и оторва

#сильные чувства

Содержание

Часть 1. Вика	4
Часть 2	8
Часть 3. Саша	18
Часть 4. Вика	38
Часть 5. Саша	41
Часть 6	50
Часть 7. Вика	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Часть 1. Вика

Мы в ответе за тех, кого приручили.

Антуан де Сент-Экзюпери

– Иди сюда, я сказал!

– Руки убрал!

– Я говорю – сюда иди! – Рустам дёргает меня за капюшон куртки, отчего я по инерции подаюсь назад и едва не падаю на оплёванные ступеньки. – То, что мне про тебя рассказали – это правда?

– У нас ничего не было! – в подъезде, как обычно, темно, но лунного света достаточно, чтобы рассмотреть, какой яростью налиты его глаза. – Я не знаю, кто рассказал тебе эту чушь, но всё это бред полный. У Катьки спроси, я с ней весь вечер была!

– То есть это не ты зажималась с Дроновым за клубом?

– Ты совсем больной? Почему ты веришь всем, кроме меня? Вообще-то, это я твоя девушка! Рус, ну прекращай, правда, – тяжело выдыхаю и провожу ладонью по его отросшей щетине. – Дебилов полно, несут всякую ахинею, а ты уши развесил.

– Точно?

– Абсолютно! На вот, – достаю из кармана телефон и пи-хаю ему в руку, – звони Косте, он тебе видео с камер наблю-

дения покажет. Это была не я.

Рустам несколько секунд молчит, словно взвешивая, стоит ли мне верить, а потом заметно расслабляется. Отпустив капюшон, перемещает руку под воротник моей куртки и мягко массирует пальцами шею.

– Смотри у меня, если только узнаю...

– И что будет?

Нарываюсь. Как пить дать, не избежать продолжения скандала, и Рус действительно сразу же начинает заводиться по новой.

– Потом проверишь. Мне гулящая не нужна, поняла?

– Тон сбавь.

– Твою мать, ну почему ты тугая такая? – сжимает под моим горлом воротник и припечатывает спиной к стене. – Знаешь ведь, что я не люблю, когда со мной разговаривают вот так. Знаешь, а всё равно рот открываешь. Язык у тебя как помело. Думай, что и кому говоришь.

– А не засунул бы ты свои угрозы в задницу!

Наверху скрипит дверь, и на лестничную клетку падает прямоугольник тускло-оранжевого света:

– Опять вы? Да как вы задолбали, а! Идите на улицу и там материтесь, людям на работу рано!

Хлопок двери оказался настолько оглушительным, что с потолка с тихим шуршанием посыпалась серая штукатурка.

– Дура, – бурчу под нос, а потом резко дёргаюсь, сбрасывая с себя руки Руса. – Да пусти ты, психопат.

– Да ладно тебе, Вик, ну ты чего, – начинает уже более миролюбиво. – Ну, ты ж знаешь, какой я ревнивый. Как услышал, что ты с Дроном... забрало упало. Ты моя, поняла?

– Люди – не заклеимённые овцы в стаде, они сами по себе, Рус.

– Это на что ты сейчас намекаешь? – зло щурится, опершись ладонью о стену, перекрывая тем самым мне путь к лестнице. – Давай, обоснуй.

– Песня та же и поёт она же, – тяжело вздыхаю и смахиваю его руку. – Мне домой пора, дай пройти.

– Нет, ты договаривай, раз начала.

– Пусти, – начинаю закипать.

– Я с тобой пойду.

– Нет, я пойду одна. Я выспаться хочу, а не отношения выяснять, – и под нос: – В гробу я их видала.

Опрометчиво. Ох, дура.

Увернуться на успеваю – кожу щеки обжигает пощёчина. Больная. Горячая. Позорная.

И увы, не первая в моей жизни...

– Проваливай отсюда! Вали, я сказала! – отпихиваю его руками и, удерживая лямку кожаного рюкзака на плече, бегу по тёмной лестнице на этаж выше. – Уходи! Я сейчас ментам позвоню, понял? Тётъ Зин, – молочу кулаком по двери соседки, – звони участковому!

– Вик...

– Пошёл, урод конченный!

Добежав до своей квартиры, буквально вваливаюсь внутрь, подперев изнутри дверь спиной. Глаза жжёт от слёз, рывком смахиваю их рукавом куртки и шумно шмыгаю носом.

Какое же ты животное, Самбуров! Ненавижу! Ненавижу!

Подобная стычка у нас далеко не впервые, он задрал уже своей необоснованной ревностью. Чуть что – вспыхивает как спичка, и попробуй останови. Связалась на свою голову, идиотка, а как развязаться – не знаю.

Обычно после такого он поднимается следом и стучит в дверь, просит впустить, а сейчас на лестничной клетке за спиной тихо, но совсем не это привлекло моё внимание, а...

– А ты кто ещё такой?!

На моей кухне, за моим столом, сидит незнакомый мужик и пьёт что-то из моей кружки.

Часть 2

Увиденное настолько шокировало, что я даже не додумалась сразу испугаться. И лишь один вопрос – что за ерунда?

– Ты кто? – повторяю свой вопрос, и мужик, оставив поило в сторону, поднимается с табурета.

– Саша.

– Какого хрена ты, Саша, делаешь на моей кухне?

– А тебе мама не звонила разве?

– Чего?

– Мама, говорю, тебе твоя не звонила? Она должна была предупредить, что я приеду сегодня.

И идёт прямиком на меня: высокий, на голову меня точно выше, в пятнистых камуфляжных штанах, берцах и свитере с закатанными до локтей рукавами. Почему-то в памяти всплыла строчка из песни маминой юности «а я люблю военных, красивых, здоровенных» и вот эта вот дама с дебильным начёсом из восьмидесятых, скачущая по сцене.

«Здоровенный» опускает ладони в карманы штанов и опирается бедром о дверной косяк:

– Не звонила, значит?

– Никто мне не звонил, – с опаской глядя на незнакомца, достаю из кармана телефон. Нет от неё пропущенных. Что за развод?!

– Вот ключи, она мне дала, – кивает на захламленный жур-

нальный столик, где поверх вороха квитанций, чеков и мятых флаеров лежит связка ключей с брелоком в виде балерины, исполняющей фуэте. Это точно мамин брелок, я ей его подарила.

– Откуда ты мою мать знаешь? Или ты, – брезгливо морщусь, – её новый хахаль?

– Нет. С твоей мамой меня связывают чисто дружеские отношения, – голос спокойный, словно это я пришла к нему в гости. Это разозлило.

– Ну, допустим, – наступаю на задник, стягивая кроссовки. – И дальше что? Что ты тут забыл? Друг, – выделяю самой отвратительной интонацией.

– Приехал по делам, надо было где-то пару дней перекантоваться. Твоя мама предложила мне остановиться у вас.

– А у меня она спросить не забыла?

– Она должна была позвонить.

– Должна... Она до хрена что должна была, но никогда не делала, – задев его бедром, захожу на кухню и, наливая прямо из-под крана воды, изучаю расставленные на столе разносолы. Открытая банка консервов, хлеб, колбасная нарезка. С края практически пустой кружки свисает бирка чайного пакетика.

– Это ты там в подъезде кричала?

Оборачиваюсь к гостю и залпом допиваю последние глотки воды. С громким стуком ставлю кружку на стол.

– Может, и я. Тебе-то что?

– А что с лицом? – он в два шага оказывается рядом и, приподняв мой подбородок пальцами, придирчиво рассматривает разводы туши.

– Не твоего ума дело, дядь Саш. Ты по делам приехал? Вот доделывай и отчаливай туда, откуда прибыл. И да, – обращаюсь у двери своей комнаты. – У меня под подушкой газовый баллончик, только попробуй сунуться, понял?

– И давно он тебя бьёт? – игнорирует мои взбрыки. Лицо больше не кажется расслабленным: он собран, может, даже немного зол. Между бровей залегла складка. – Парень твой. Это же он тебя ударил? У тебя щека красная.

– Не твоего ума дело, говорю, – закрываю за собой дверь и для верности защёлкиваю допотопный шпингалет. Смешно, конечно, вон он какой здоровый, если захочет, одним мизинцем... но всё-таки. Да и вообще, не дура же мать – подселать ко мне неадекват. Хотя зная её... вот совсем не факт.

Надо выяснить, кто это такой, предупреждён – вооружён. Не обращая внимания на позднее время, набираю номер матери и, опустив пятую точку на край обшарпанного подоконника, жду семь длинных гудков. Глаза слипаются от перманентного недосыпа, но я стойко пялюсь на голые скелеты деревьев за окном. Закат осени в нашей клоаке вселенной отчаянно живописен. Особенно в первом часу ночи.

– Алло, Вик? Ты чего поздно так? На часы смотрела? – сонно хрипит на том конце трубки мама, после чего шумно зевает.

– Какого чёрта, мам? – сразу в бой. – Что этот мужик делает в моей квартире?!

– Вообще-то, это наша общая квартира, на минуточку.

– Но сейчас здесь живу я, а не ты!

– Не огрызайся, я твоя мать, вообще-то.

– Угу, хороша мать – сама в Москву строить личную жизнь укатила, а меня в этой дыре гнить оставила.

– Ты сама поехать не захотела!

– А ты особо и не настаивала!

– Ладно, всё, не будем ругаться, хорошо? Ну что мы вечно как кошка с собакой, – тяжело вздыхает. Слышу, как она тихо закрывает со собой дверь, видимо, чтобы не разбудить трёпом новоиспечённого мужа. – Прости, я должна была позвонить тебе и сказать, что приедет Саша. Но что-то закружилась, забегалась...

– Тяжело по салонам красоты да соляриям мотаться, да, мам? – не могу сдержать укоризненный смешок. – Да и не поднимать ничего тяжелее...

– Так, всё! – обрывает. – Не время, да и вообще. Что, ты мне теперь всю жизнь припоминать будешь, что после того, как папа умер, я не скисла, а продолжила жить дальше?

По большому. Да, мне было тяжело это принять. Тяжело! Когда я почти целый год рыдала в подушку, потому что отец был для меня всем, она чудесным образом оправилась за какие-то несколько месяцев. Более того – успела найти себе нового хахалю. И не обычного – бизнесмена-москвича, кото-

рый приехал в нашу дыру в командировку. Он дал ей право выбора: либо ты едешь со мной в столицу, либо, прости, нам не по пути, Варя. Оно и понятно, у него там прибыльное дело, квартира, блатные друзья. Тут ему ловить было нечего. Мама, недолго думая, согласилась. Мне всего семнадцать было, я ещё училась в школе и напрочь отказалась с ними куда-то ехать. А она даже не думала уговаривать.

«А что, ты взрослая уже, одиннадцатый класс заканчиваешь. Я в твои годы одна жила в студенческой общаге. И ничего, человеком выросла».

Нет, понять её было можно – ей всего тридцать семь, молодая, красивая, зачем её новому мужу такой балласт в виде взрослой падчерицы? А может, как предположила моя подруга Катька, она просто испугалась конкуренции, потому что я тоже молодая и красивая. В итоге мама уехала строить новую жизнь со своим Маратом, а я осталась, чему, кстати, была очень рада. До некоторых пор...

– Ладно, проехали, чего одно и то же сто раз перетирать, – отколупываю ногтем краску с облезлой оконной рамы. – Что за Саша вообще, кто он?

– Это брат Марата, родной. Майор в отставке, между прочим.

– В отставке? Типа на пенсии? Так он же вроде не старый ещё.

– Тридцать четыре года.

– Выходит, из армии его турнули? И за что?

– Ой, Вик, я в эти дела не лезу. Если захочет, сам расскажет, время будет.

– В смысле "время будет"? – моментально «проснувшись», спрыгиваю с подоконника. – Он тут что, надолго, что ли? Я думала, одну ночь переночевать!

– Ну, может, и не одну. Я же не знаю точно, что у него там за дела. Он нас с Маратом не просвещал.

– Ну, зашибись! Нафиг он мне тут сдался? А если он психопат? Или того хуже – извращенец?

– Ну что ты говоришь такое, дурочка! Саша – уважаемый человек, порядочный. Знаешь, сколько он в горячих точках побывал? У него даже медали есть.

– И что здесь забыл этот «порядочный»? – опускаюсь на корточки у двери и, прищурив один глаз, подсматриваю в замочную скважину: Саша в одних «военных» штанах только вышел из ванной. Волосы мокрые, на плечах блестят капли воды. Ни фиги себе, у него спина широкая, как взлётная полоса!

– Оказывается, он раньше у нас в городке служил, даже женат был на местной. Потом они развелись – без понятия, из-за чего, что там у них за отношения сейчас, но он к ней приехал. Квартиру, что ли, его делить, не знаю, – снова зевает. – Он не особо разговорчивый, а я не вникала. Не моё дело, своих забот хватает.

– Поня-ятно.

Гость скрывается за дверью спальни напротив моей, и я

наконец отлипаю от замочной скважины.

– Ну ладно, пусть перекантуется пару дней, только ко мне не лезет. Если что, я сразу коленом по... сама знаешь. Мало не покажется.

Мама хрипло смеётся, и я ловлю себя на мысли, что соскучилась по этой предательнице. Правда, никогда в этом не признаюсь, как и в том, в какую задницу я тут без неё угодила.

– Доброе утро.

– И тебе не болеть, – шаркая тапками по полу, захожу на кухню. До отвращения выпавшийся «порядочный» сидит за столом. Чёрная футболка, модные джоггеры, гладко выбрит и свеж. А на столе...

Это что ещё за хрень такая?

Вытянув шею, заглядываю в его тарелку.

Фу-у, овсянка на воде. Буэ.

– Будешь?

– Нет, спасибо. Я такое не ем, – щёлкаю кнопкой чайника и падаю на табуретку напротив. Потом, игнорируя его внимательный взгляд, достаю из кармана пижамных шорт пачку сигарет. Затем зажигалку. Прикурив, киваю на подоконник: – Пепельницу не подашь?

Кухня до безобразия тесная, поэтому ему достаточно просто чуть повернуться и протянуть руку. Чего он не делает.

– Никотин на голодный желудок... – пихает в рот ложку

склизкого дерьма. – Тебе ещё детей рожать.

– Ой, не лечи, – выдыхаю дым нарочито протяжно и закидываю ногу на ногу. – Ты мне ещё лекцию о безопасном сексе прочитай.

Он криво ухмыляется и пододвигает к себе кружку с чаем, потом делает большой глоток, по-прежнему не отрывая от меня пристального взгляда.

А он ничего такой: высокие скулы, красивой формы губы, нос чуть-чуть сплюснут, ну тут, по-моему, не природа постаралась, а чей-то увесистый кулак. Но что особенно выделяется – взгляд. Он смотрит не стесняясь, но не раздевая, ничего такого, просто... чувствуется в нём первобытная самость.

Хотя... мужик, что с него взять. Все они одинаковые.

– Чего смотришь, нравлюсь? – тоже ухмыляюсь.

– А ты можешь не понравиться?

Честный ответ обескураживает, но я не теряюсь:

– Ну, кто вас, москвичей, знает? Зверев, вон, тоже в армии служил, а посмотри, на кого теперь похож, – затягиваюсь снова. – Какие планы на день? Бывшую пойдёшь до нитки обдирать?

– Интересовалась, значит, – удерживая в руках кружку, откидывается на спинку скрипучего стула.

– Конечно, я же должна знать, с кем метры делю, – тушу окурок в пустой банке «Арабики» и поднимаюсь. – Чайник вскипит, кофе мне сделай, ок?

– А ты всегда такая бóрзая?

– Всегда. Тебе что-то не нравится?

– Твоё поведение.

– Ну так поймай и отшлёпай, – выхожу из кухни, а потом ловлю себя на мысли, что улыбаюсь.

Кофе мне, конечно, никто не сделал, поэтому пришлось довольствоваться ничем и выходить в промозглое осеннее утро. Учёбу никто не отменял. А жаль.

– Ну наконец-то, Тишевская, я тут весь зад себе отморозила, пока тебя ждала, – шмыгает носом Катька, перетаптываясь в тоненьких кроссах «Naïk». – Если бы не горячее шоу, совсем бы окочурилась.

– Что за шоу?

– Да вон, – кивает, и я перевожу взгляд на детскую площадку напротив подъезда.

Уцепившись двумя руками за ржавую перекладину, подтягивается «приличный», да так ловко, словно в задницу ему кто-то вживил энерджайзер.

Вверх, вниз. Вверх, вниз. Вверх, вниз.

В одной футболке: чётко вылепленные бицепсы, прямая спина, крепкая шея. Вид сзади что надо.
Красиво.

– А кто это? У вас здесь одни бабки живут, этого я бы точно не пропустила, – закусив нижнюю губу, «гуляет» взглядом за каждым движением соседа. – Хорош, чёрт. Я бы ему точно не отказала.

– А, это Санёк, – жму плечом, стараясь придать голосу максимальной беспечности, и эффект достигнут – глаза Ро-

гачовой тут же загораются, как две звезды на кремлёвской ёлке:

– Санёк? Что за Санёк?!

– Мы вместе теперь живём. Ладно, пошли, а то на пары опоздаем, – спускаюсь с отбитых ступенек и выруливаю на засыпанный пожухлой листвой тротуар.

– Погоди... то есть как это – вместе живёте?! Я что-то пропустила? – цепляется за мой локоть и семенит рядом. – А ну, колись давай – и в самых грязных подробностях!

Очень хочется обернуться, но я пресекаю порыв на корню. Много чести, обойдётся.

Часть 3. Саша

Первый снег в этом году выпал необычайно рано – конец октября, а асфальт уже покрылся тонким белым налётом. В Москве бы его тут же затоптали, смешав с осенней слякотью, но здесь, в этом городке на отшибе мира, время будто остановилось. Ни спешки, ни мелькающих туда-сюда машин. Ни вечного «столичного» шума. Тишина.

Тогда, десять лет назад, когда я служил здесь в воинской части, меня дико раздражало это сонное место. Мне было здесь душно и очень тесно. Хотелось размаха, возможностей, карьерного роста. Хотелось понюхать пороха и колючего адреналина по венам. Может, поэтому первая моя серьёзная командировка была в «горячую» точку. Сам напросился, казалось, что вот там-то я точно наведу порядок, надерём зад «неверным». Ошибался, дурак. Война – это не драйв. Это кровь, слёзы и невосполнимые потери. Было страшно. Всем было страшно – и молодым, и бывалым, выдержал не каждый. Я выдержал. Сбылась мечта идиота, но какой ценой.

Над дверью звякнул колокольчик, и в прогретое до нестерпимой духоты нутро кафе вошла Оля. Ну как вошла – вплыла. В светлом пальто до колен, высоких чёрных сапогах. Красивая и цветущая.

И уже давно не моя.

– Привет, Саш, – наклонившись, целует в щёку, а я против воли закрываю глаза. Те самые духи. Помню ещё. Удивительно.

– Привет, – чмокаю её тоже и киваю на меню: – Может, вина выпьем?

– Да брось, какое вино, пять часов всего, – улыбается, но немного взволнованно. Даже нервно. Взгляд прячет.

Хоть мы и развелись сто лет назад, но я рад её видеть. Правда рад.

– Когда-то ты и в восемь утра от горячительного не отказывалась, – поддеваю, листая плотные страницы.

– Ой, ну ты вспомнишь тоже! – смущённо заправляет за ухо прядь волос. – Это было один раз и на курорте. А что было на курорте...

– ...то там и останется, – заканчиваю за неё и готов поспорить, что подумали мы об одном и том же. Как классно нам тогда было. Без башни совсем, беззаботные. Как любили друг друга везде, где только было можно. Как казалось, что вместе мы, рука об руку, до самой дряхлой старости. Наивная молодость. – Ну так что, – перевожу взгляд на винную карту, – по пять капель?

– Ну... – решившись, машет рукой. – Давай, за встречу.

Пью я нечасто, поэтому, опустошив первый бокал, сразу же ощутил приятную истому во всём теле. За первым в ход быстро пошёл второй...

Наверное, глядя на нас со стороны, можно запросто поду-

мать, что пара выбралась на свидание: она чуть-чуть робеет, он внешне расслаблен, но тоже волнуется. Но нет, мы развелись семь лет назад. Тихо и мирно, по-дружески. Просто в один момент она сказала, что устала и больше так не может. Терпеть эти мои вечные командировки, ночные звонки по тревоге, стрельбища.

– «Я семью хочу, Саш. Нормальную! Ночи под одним одеялом, совместные выходные. И не раз в месяц, если повезёт, а всегда! Детей хочу. А от тебя рожать элементарно страшно, ты же то в Ливии, то в Беслане, то ещё чёрт-те где! Я не думала, что будет вот так тяжело. Прости.»

Права она была, что уж, тогда мои приоритеты были отданы исключительно карьере. Просто встретились мы, видимо, не в то время и не в том месте. Бывает. Вот если бы сейчас... А сейчас всё иначе. Умнее стали. Думаем головой, а не тем, что пониже. Мы любили друг друга, но мы слишком разные. И теперь, глядя на неё спустя несколько лет разлуки, я понимаю, что чувства прошли окончательно. Осталась только химия, наверное, но тут сложно иначе – Оля очень красивая, ничего не попишешь.

– Ты так и не сказал, почему ушёл из армии. Ты же ей грезил, генералом мечтал стать.

– А, – машу рукой, – не срослось. Долгая история.

– А всё-таки? – взгляд немного расфокусированный. Поплыла.

– Человека убил.

– В смысле? – округляет глаза. – Врёшь, небось?

– Конечно, вру, – улыбаюсь, и она заметно расслабляется. Я не следил за её жизнью последние годы, но кольца нет. Значит, замуж снова не вышла. – А ты чем занимаешься?

– Бухгалтер в строительной фирме. Ничего интересного, скука, день сурка, – делает глоток вина. – А ты?

– Временно безработный.

– Ага. А свитерок-то фирменный, – глаза сияют хитростью. – Врёшь, Градов.

– Ничего от тебя не скроешь, – тоже отпиваю вина и решаю не развивать эту тему. – Зачем приглашала? Вряд ли просто поболтать, правда же?

– Да, – вздыхает. Крутит в руках полупустой бокал. Снова убирает за ухо прядь. – Я о квартире хотела поговорить. Ну, я в ней живу, а она же... твоя.

– Я помню.

– Я оценила, что ты не выгнал меня после развода. Мне правда совсем некуда было податься. Никто поверить не мог, что ты вот так просто взял и уехал, ничего не забрал.

– А должен был?

Заказать, что ли, ещё?..

– Ну, другой бы забрал, – пожимает плечом. Едва заметно краснеет.

– Ну, я же не другой.

К чертям. Напиваться сейчас не лучшая идея. Ни к чему путному это не приведёт.

– В общем, я тут... замуж собираюсь, – запинается, а потом хватается за салфетку. Не поднимая на меня глаз, принимается складывать из неё квадратики. – Мы с Антоном два с половиной года уже вместе, мне тридцать три, вроде как пора.

– Хороший мужик хоть?

– Ну... – мнётся. – Хороший.

– Значит, надо брать, Оль, – поднимаю бокал. – Давай за ваше счастье?

Она чокается со мной краешком фужера и, почти не отпивая, ставит обратно на стол.

– У него квартиры нет, Саш, мы у меня сейчас живём. И после свадьбы вроде как переезжать не планировали... Я обязана была тебе сказать. Ну... предупредить.

– То есть ты переживаешь, что я заявлюсь потом и отберу приобретённую до брака квартиру? А вы там уже ремонт сделали – встроенная кухня, потолки навесные, все дела... – не могу сдержать улыбку.

– Паршивец ты, Градов. Всё такой же.

– Какой?

Стоп! А вот так на неё смотреть не надо. На бывших жён так не смотрят.

– И что делать будем, Саш? – снова прячет взгляд, квадратики из салфетки становятся всё мельче. – Мне определенность нужна. Чтобы знать, куда двигаться, какие планы строить...

– Я не выгоню тебя. Пардон – вас. У меня есть квартира в Москве. Двухкомнатная, все удобства. И район хороший.

– То есть она тебе не нужна? Ты серьёзно? – наконец-то решается посмотреть на меня, в глазах тень недоверия.

– Ну, недвижимостью всем нужна. Покажи мне дурака, который бы отказался от лишних метров. Но я ведь знаю, что у тебя кроме меня никого... – осекаюсь, – не было. Ну, как ты себе жильё купишь? Ипотека разве, так это же кабала на долгие годы.

– Ты издеваешься, да? – нижняя губа дрожит, а глаза заполняются слезами. – Ты вот специально всё это? Весь такой хороший, понимающий. Чтобы я виноватой себя почувствовала, что ушла от тебя? Не выдержала и сдалась.

А вот такого я точно не ожидал.

– Да брось, Оль, ну ты чего, – протягиваю руку и заключаю её ладонь в свою. – Я серьёзно. Ну зачем мне две квартиры, сама подумай? У меня ни жены, ни детей. Даже собаки нет.

– Так будут же!

– Будут – заработаю. Мы ж не чужие с тобой всё-таки. Ты ушла, да, но я тоже был виноват. Не каждая выдержит – с мужем, но без мужа. Надо было поумерить свой пыл, сделать выбор. Впрочем, я его и сделал.

– Ты серьёзно это сейчас? – шмыгает носом, сжимая мои пальцы.

– Абсолютно. Хочешь, пойдём завтра к нотариусу, перепишем на тебя. Только до вашей свадьбы с этим твоим тогда

давай оформим, ок? Ну, на всякий случай.

– Думаешь, Антон меня кинет?

– Не знаю, но так мне будет спокойнее.

– Блин, Саш... Я... – не договорив, рывком поднимается с места и бросается на глазах у всех ко мне на шею.

Ох, женщины.

– Ну, ты чего, Оль, на нас все смотрят, – озираюсь по сторонам, после чего пытаюсь отстранить бывшую от себя, но она вцепилась – не отпускает. – Оль, прекращай, ну. Вдруг тут знакомые этого твоего Антона, скандал устроит, оно тебе надо?

Молчит, уткнувшись в моё плечо.

Мне приятно её обнимать – что уж, хотя сложно не отметить, что прижимается она слишком тесно, так себя почти замужние не ведут. Хотя... это же не я «почти женат».

Любил я её когда-то страшно. Детдомовская девчонка, попала туда уже довольно поздно – в тринадцать, от того была дико колючая и зашуганная. Столько времени у меня ушло, чтобы она оттаяла, снова научилась доверять. Мне хотелось её оберегать, жалеть. Хотелось оградить от проблем. Клялся, что всегда буду рядом, никогда не брошу и прочее-прочее, что там ещё обещают в безбашенные двадцать три. Вообще, мать её, если её можно так назвать, была жива, когда Оля в детский дом попала, просто её лишили родительских прав. Государство с метрами опрокинуло, ведь номинально у неё они вроде как были – старый бабкин дом, а по факту там всё

давно было пропито. После скромной росписи с Ленинском ЗАГСе я сразу же прописал её в своей однокомнатной, пообещав, что теперь она точно никогда не останется на улице. Хотя бы это слово сдержал, раз с остальным «долго и счастливо» не получилось.

– Оля, всё. Ну, ты чего, в самом деле.

– Да, да, извини, – всхлипывает и наконец-то отлипает. Промокает уголки глаз сложенной ранее в квадратик салфеткой. – Не знаю, нашло что-то вдруг.

– «Киндзмараули» на тебя нашло. Целую уговорили. Пошли, до остановки провожу.

Оставляю «на чай», и мы вместе выходим в не по-октябрьски морозный вечер. Оля держит меня под руку, мы неторопливо идём рядом, словно не было этих семи лет порознь. Не было развода, войны, её нового будущего мужа и моих попыток построить ещё одну неудачную ячейку уже с другой женщиной.

Я не люблю её больше. Но всё равно она какая-то... своя, что ли, родная.

– Ты когда уехал, ну, после развода, я разбитая была жутко, – неожиданно делится, ёжась от холода.

– Серьёзно?

– Да. Рыдала месяц, наверное, не переставая. Жалела страшно, что потеряла тебя.

– Ой, врёшь ты всё, Градова. Или какая ты теперь будешь?

– Буранова.

– У природы нет плохой погоды, – улыбаюсь каламбурю, а она вдруг тормозит, пристально заглядывая мне в глаза.

– Ты думал обо мне, Саш? Хоть иногда?

– Думал.

Улыбка тает.

На тёмную копну её волос ложатся первые неразумные снежинки, она чуть-чуть пьяненькая и такая податливая...

– Я тоже думала.

Смотрим друг на друга несколько секунд, а потом она сама меня целует. Долго так, основательно.

– Мне кажется, я больше никогда не полюблю кого-то так же, как тебя, – шепчет мне в губы, а я уже жалею, что поддался минутной слабости. – Правда. И Антона я никогда так, как тебя, не любила. Он не плохой, нет, но... не ты. Ты же первым у меня был.

– Оль...

Понимаю головой: вот это всё – лишнее. Она моя бывшая, всё, страницу перевернули, давно уже разными дорогами. Она замуж выходит, ну зачем ворошить?

– Ты где остановился? – спрашивает вдруг.

– У знакомых.

– Может...

– Не может, извини, – снимаю с себя её руки и набрасываю на голову капюшон. – Мне пора. Созвонимся насчёт нотариуса, да? Такси вызвать тебе?

– Не надо, тут несколько остановок всего. Я дойду.

– Тогда пока, – засунув руки в карманы куртки, ухожу, не оборачиваясь, ощущая затылком её растерянный взгляд.

Зря. Очень зря, Оля. Ну зачем ты это всё, дурочка! Даже со мной. Ведь жалела бы потом.

Идти домой совсем не хочется, хотя бы потому, что дома у меня в этом неприветливом городе нет. Только комнатка в двушке жены брата, с её чокнутой на всю голову дочкой. Меня предупреждала Варя, что девчонка – палец в рот не клади, но чтобы настолько...

Сама Варя совершенно не такая: мягкая женщина с податливым характером, но эта... эта дьяволёнок во плоти.

После встречи с бывшей на душе полный раздрай. Как-то муторно. И, вопреки принципам, хочется надраться. Сколько я не пил нормально? Года полтора точно.
Ноги сами собой заносят в какую-то забегаловку. Громкая музыка, в воздухе витает аромат пива и гренок. Народу – немерено.

Удивительно, но среди этой вакханалии кто-то умудряется смотреть по треснутой плазме бой – наш парень против какого-то американского рэмбо. Не интересуюсь боями, имён не знаю.

– Столиков нет, простите, – перекрикивая шум, просвещает молоденькая официантка в фривольной короткой юбке. Судя по амбре, слегка поддатая. – А хотя... – тянет шею, – вон у окна освободился на двоих.

Столик занять успеваю, чему очень рад. Реально хочется посидеть, посмотреть дурацкий бой, выпить дешёвого пива.

Хорошо жить же. Особенно ясно это понимаешь, если был когда-то на волосок от смерти.

– Пиво, – тяну руку с вытянутыми средним и указательным пальцами. – Два.

Официантка кивает и скрывается за барной стойкой. Повесив куртку на спинку стула, осматриваю помещение. Обычная провинциальная кафешка, где и свадьбы, и поминки, и первое свидание, и так – чисто с другом посидеть. В столице такого давно уже не найти, всё пафосное, «тематическое»: вэйп-бар, бар-суши, кальянная.

– Ваше пиво, – на стол, не побоюсь этого слова, с грохотом опускается кружка с тяжёлым дном, хлопья пышной пены плюхаются на экран моего телефона. – Извините.

Поднимаю глаза...

– Привет, бóрзая. А ты чего здесь?

Дочь Вари, в такой же фривольной юбке, как её предшественница.

– Я здесь подрабатываю после учёбы. А ты здесь чего?

– Вот, пива зашёл выпить.

– А, – и подумав: – Это ты зря, пойло здесь дерьмовое, из наших тут никто не пьёт.

– А я уже «ваши»?

– Ну, вообще, да, чего это я? – И, занеся над обшарпанным блокнотом ручку, деловито: – Чесночные гренки? Орешки? Кальмары в кляре?

Забавная.

– Посиди со мной, – киваю на стул напротив. – Попроси, чтоб нормальное налили. Я угощаю.

– Ты что! – озирается по сторонам. – Нам нельзя с клиентами отираться, штрафуют сразу.

– А с гостями, кто оставляет щедрые чаевые?

Она секунду как будто бы мнётся, а потом застывает, глядя куда-то перед собой. Выражение лица разительно меняется:

– Если что-то будет нужно – зовите, – и убегает.

Поворачиваюсь в ту сторону, куда она только что смотрела, и сразу понимаю, на кого был обращён её взгляд. Молодой черноволосый парень стоит у барной стойки и пялится на меня с откровенной яростью.

А вот и наш темпераментный Казанова, по ходу, подоспел.

Впрочем, как она мне там сказала вчера: не лезь не в своё дело? Она права – меня это не касается.

Салютую ему кружкой и делаю глоток пива. Действительно, откровенная гадость, но я всё равно пью, режим уже нарушен, а убить вечер здесь всё равно больше не на что.

Интересно, а что дочь Вари вообще забыла в этой дыре? Я и про кафе это, и про город. Здесь же молодым совсем делать нечего. Ни работы приличной, ни перспектив. Ни «же-ниха нормального». Да здесь даже ни одного ВУЗа, так, одни шараги. Где она тогда учится?

Снова словно невзначай смотрю в сторону барной стойки: «казановы» на прежнем месте нет. Вики тоже нигде не

видно, хотя её коллеги-подружки рассекают по заполненному залу, с ног сбиваются.

Отворачиваюсь. В попытке расслабиться разминаю движением головы шею, смотрю через мутное окно на проезжающие мимо редкие развалюхи. Хватит уже, ну сколько можно жить в режиме боевой готовности? Пора прекращать. Я не в армии, войны здесь тоже нет, разве что исключительно война полов.

Как-то одна подруга назвала меня «бойцовским псом», я оскорбился, а она, может, не так уж и была неправа. Ведь я действительно всегда начеку, везде ищу подвох, непрерывно держа руку на пульсе.

Довольно быстро добиваю первую порцию пива. Осматриваюсь. Этих двоих по-прежнему нет.
Конечно, меня лезть никто не просил, и вообще... но всё-таки она дочь Вари, мало ли. Просто удостоверюсь, что там нормально всё, и вернусь. Судя по воплям у плазмы, там как раз не за горами третий раунд, успею.

Оставив куртку на спинке стула, поднимаюсь, ещё раз быстро осматриваю помещение, а потом выхожу на улицу...

– Отстань уже, Рустам! Ты не понял? Просто отвали! Я на работе! Меня турнут сейчас из-за тебя!

– А ты давай не уходи от темы. Думаешь, я дебил? Не видел, как ты ему улыбалась? Этому вахлаку. Кто это? Точно не местный, всех местных я знаю. Кто-то городской? Специально к тебе приехал, да? – и наверняка больно встряхнув её

за плечи: – На меня смотри!

– Да говорю тебе – я не знаю, просто клиент!

– Кому ты чешешь?! Отвечай давай!

– Проблемы? – хлопаю парня по плечу, но тот даже не сразу реагирует. Бью ладонью сильнее, и только тогда он оборачивается. Чёрные глаза зло сужаются. Узнал.

– Чего тебе от моей девчонки надо?

– Мне – ничего. Думаю, тебе тоже. Она же попросила отвалить.

– Чего-о? – брезгливо морщится. – Ты кто такой вообще?

– Я тот, кто может совершенно случайно выбить тебе к хренам собачьим все зубы, если ты сейчас же её не отпустишь.

– Саш, хватит. Не лезь! – вмешивается Вика, но я вытягиваю руку, отодвигая её подальше.

– Саша? Всё-таки знаешь его! – петушится её дружок. Низкорослый, но довольно крепкий. Такой по морде точно нормально дать может. Особенно женщине. – Это что за хрен, Вик?

– Да я не знаю его толком! Клянусь! Это матери хахаль или кто он ей там. Брат хахаля.

– Я не понял – это ты и с матерью, и с дочкой, что ли, хочешь? – задирает до локтей рукава кожаной куртки и встаёт в стойку. – Ну иди сюда, если такой смелый. Кто кому ещё зубы пересчитает.

Честно? Смешно, вот правда. Я настолько уже далёк от

местечковых разборок, что вот это всё казалось бы сейчас даже забавным. Если бы не одно весомое «но» – по ходу, он бьёт Вику, а это едва ли не первое в списке того, что мне претит.

Смотрю на девчонку – тушь рамазана. Снова до слёз довёл и, кажется, делает он это с завидной регулярностью. И если уж такая, как Вика – а она не из слабых – плачет, то спускать это точно нельзя.

– Ну, чего ты? Очканул? – пружиня, подступает ближе, не убирая от груди сжатых кулаков. – Иди сюда, недоделанный.

Поднимаю глаза к небу – чёрное, красивое. Проклёвываются звёзды. Господи, вечер-то какой был хороший...

Набираю полные лёгкие воздуха и на выдохе заряжаю ему лбом в табло. Пацанчик, покачиваясь на пятках, несколько раз трясёт башкой в тщетной попытке прийти в себя.

Неприятное чувство, по себе знаю. Голова потом будто мокрой ватой забита, и тупишь. Хотя ему не грозит. Куда уж больше.

– Ты совсем больной?! – визжит Вика и, прижав ладонь ко рту, не знает, что делать дальше: то ли на меня кинуться, то ли жениху помочь. – Ты же его убить мог! Посмотри, как кровь из носа хлещет!

Дурочка молодая. Ну ты слепая или как? Да хрен с ним. Берусь за ручку двери:

– Подождать тебя? Вместе домой пойдём, если хочешь.

– Иди в задницу лучше! И не лезь, куда тебя не просят!

Вообще, она права, меня никто не просил.

– Как хочешь.

Возвращаюсь обратно в кафе, забираю куртку и снова выхожу на улицу: вмиг растерявший спесь казанова стоит поодаль, трогает пальцами драгоценный клюв.

Да не сломал, не трясись ты так.

Вика, дрожа от холода, стоит рядом с ним, а на меня смотрит волчонком. Впрочем, как и на него.

– Ну и нужен он тебе такой? – торможу рядом и киваю на притихшего «жениха», а потом перевожу взгляд на растерянную дочь Вари: – Внутрь иди, пневмония – штука неприятная. Два раза болел, – и, накинув куртку, ухожу.

Весело у них здесь. Прямо то ли «приколы нашего городка», то ли «бандитский Петербург». Впрочем, пусть варятся в своём котле как хотят. Я домой. Спать.

Слышу, как шуршит в замочной скважине ключ. Скрип двери. Громкий хлопок и снова поворот ключа.

Пришла. Время два часа ночи. А утром ей на учёбу, и куда только мать её смотрит? Она знает вообще, чем тут её дочь занимается?

Брат мой человек небедный, вполне может содержать и себя с Варей, и сына их общего, и Вику. И вроде как они отправляют ей ежемесячно нужную сумму. Тогда зачем она в кафе это работать потащилась?

Лежу, плююсь в темноту, прислушиваясь к звукам за сте-

ной. Вика ходит там туда-сюда, чем-то шуршит. Отчётливо потянуло табаком. А потом улавливаю скрип деревянных половиц прямо возле двери моей комнаты. Подошла. Притихла. И не уходит.

– Спать иди, – произношу в пустоту.

Впустив прямоугольник тусклого света, в спальню бесцеремонно заходит Вика. В свободной майке, едва прикрывающей бёдра, по плечам рассыпаны влажные волосы. И сходу так:

– Ты зачем Рустама ударил? Я тебя просила?

– Он тебя бьёт?

– А тебе больше всех надо, что ли, я не пойму? Мне, вообще-то, девятнадцать, сама за себя постоять могу. И за тебя, если потребуется.

– Так бьёт?

Сажусь, спустив одеяло до талии. Ловлю на своей голой груди её взгляд. Она ловит мой на своих ногах.

Ненамеренно посмотрел, клянусь, как-то так получилось.

– Ну, бывает, – дёрнув плечом, прислоняется к стене на скрещенные за спиной ладони. – Если психанёт, может замахнуться. Придурка кусок. Но он ревнивый просто как чёрт.

– А ты поводы даёшь?

– Я же не смертница. Попробуй только посмотри просто хоть на кого-то, сам видел реакцию.

– И зачем он тебе такой, Вик? Если руку один раз поднял,

поднимет ещё. Это я тебе как мужик говорю. Если заложено что – поганой метлой не вымести.

– А ты типа мозгоправ? – вскидывается. – Не лечи, ладно? Уже залеченная по самые гланды, без тебя как-нибудь разберусь.

Маленькая, а язык без костей. Осуждаю мудаков, которые руку на женщин поднимают, сам бы эти руки им повыдёргивал, но ведь выводит же. Стоит и нарывается. Куда такое годится?

– Не разговаривай так со мной, идёт?

– А то что будет?

– От меня – ничего. Я тебе никто и скоро уеду, а вот жизнь ошибок не прощает.

– Ну ты, блин, и зануда, дядь Саш, – закатывает глаза.

– Какой я тебе дядя? Мне тридцать четыре всего.

– Уже! У нас разница ого-го, так что ты для меня старпёр.

Пошли покурим?

– Не курю. И тебе не советую.

– Бла-бла-бла, – проходит мимо и бесцеремонно снимает со спинки кресла мой свитер. Натягивает поверх майки и, щёлкнув шпингалетом, выскальзывает на балкон в холодную осеннюю ночь.

С голыми ногами! И непросушенной головой! Ну что за...

А впрочем, ну кто я ей, в самом деле? Не отец, не муж, не опекун.

Вижу через давно не мытое стекло, как она быстро под-

носит фильтр к губам, затягивается и тут же выдыхает дым. Огонёк загорается и потухает. Загорается и потухает. Замерзла, но всё равно стоит, упёртая. Чего кому доказать хочет?

– А ты знаешь, что у нас с Маратом сестра есть? – спрашиваю, повысив голос, чтобы она услышала через едва приоткрытую дверь. – В Питере живёт.

– Не знаю, – затягивается. – Мне пофигу.

– Так вот, ей сорок два уже, а детей нет. Тоже вот так любила с голыми ногами покурить зимой выйти.

– А я не хочу детей, – швыряет окурки с балкона и заходит в дом. – Вообще. От кого рожать, если кругом одни козлы?

Стягивает свитер и небрежно кидает обратно на кресло.

– Пряма-таки все?

– Все. Ну, может, кроме тебя, – улыбается посиневшими губами. Темно, губ не вижу, но знаю, что синие – ноль на улице – Ты же вон какой правильный.

– Почему? Я тоже козёл, – улыбаюсь ей в ответ.

Красивая ладная девушка с длинными ногами. Когда, в какой момент ты вдруг решила играть в стерву? Не идёт же.

– Спать иди, – ложусь, натягивая одеяло обратно. – Тебе на учёбу утром.

– Это да. Задолбала эта учёба, – подходит к двери, берётся за ручку и уже как будто собирается выйти, но вдруг останавливается:

– А ты надолго сюда вообще?

– Скоро уеду. Уже надоел?

Она пару секунд молчит, а потом с барского плеча:

– Ладно, потусуйся тут ещё пару дней, так и быть, – широко улыбнувшись, закрывает за собой дверь и уже оттуда: – Хорошо, что ты ему по морде дал. Посильнее надо было. И это... – молчит. – Извини, что наорала там. Ну, «не лезь» и всё такое. Я просто испугалась, что у тебя теперь проблемы из-за этого идиота будут, ну и... Короче, ладно.

В коридоре щёлкает выключатель, хлопает дверь её комнаты, потом скрипит задвижка шпингалета.

Улыбаюсь, глядя в серый потолок, по которому пляшут тени костлявых веток.

Дурочка Варькина дочь. Дурочка, но симпатичная.

Часть 4. Вика

– Да иду я уже. Иду! – не открывая глаз, плетусь в коридор и наощупь открываю входную дверь. Кого только чёрт принёс, время начало восьмого!

– Тишевская! Ты спишь всё ещё, что ли?

– Кать, ты нормальная? На часы смотрела? Чего припёрлась в такую рань! – широко зеваю, прикрыв рот ладонью. – До лекции ещё час.

– Да? А я вот что-то пораньше вдруг вышла, думаю, дай прогуляюсь, погода какая... хорошая, – улыбаясь «по-голли-вудски», тянет шею, заглядывая мне через плечо. – Доброе утро.

Оборачиваюсь – сосед уже при полном параде сидит за столом на кухне, ковыряется в смартфоне.

И как можно быть всегда настолько отвратительно бодрым?

– Всё ясно, чего так вырядилась, – снова зеваю и сторожусь. – Ну проходи, раз притащилась.

– Я тебя на кухне подожду, ладно? – улыбается Саше, а потом, зыркнув на меня, чешет, виляя тощим задом, к гостю.

Закатив глаза, ретируюсь в ванную. Чего-то такого следовало ожидать, она вчера мне все уши этим Сашей прожужжала, даже взбесила: «Саша. Саша. Саша!».

Ну, ничего такой, да, но так откровенно выть мартовской кошкой?

И вроде бы пофигу – пусть воркуют, но вот как-то оно что-то...

Закручиваю вентиль и, промокая лицо полотенцем, прислушиваюсь к звукам за стенкой. Катька щебечет аки соловушка, заливается. Хи-хи, ха-ха.

– Ну как, познакомились? – натянув улыбку, захожу на кухню – Катька сидит напротив Саши, и как только, бедная, рот не порвала, так усердно ржать.

– Да вот, Саша мне рассказал, что как-то на «Камеди» ходил в Москве. Прикольно там так в столице. Он мне фотки показал. Видела?

– Не-а, – безразлично бросаю и открываю дверцу шкафа. А потом замечаю на столе... – Кать, а это что?

– Как? Овсянка с сухофруктами, я ж её просто обожаю! – и с воодушевлением перемешивает ложкой тошнотворную жижу. – Вкусно и полезно.

Что, блин? Да она овсянку впервые в жизни видит!

Вот актриса!

– Не старайся, у него жена есть, – достаю сахарницу и ударяю тяжёлым донышком по столу. – Так что можешь слить эту хрень в унитаз и не давиться. Бесплезно.

– Бывшая жена, мы семь лет в разводе, – с улыбкой просвещает Саша и, поднимаясь, Катьке: – Конечно, звони, когда в Москве будешь, попробую достать билет. У меня там

на студии друг работает оператором.

– Круто! Вот это да! Спасибо огромное! – расцветает. – Обязательно наберу!

– Ладно, мне пора на пробежку. Хорошего дня, – и уходит.

– Вик, ну ты чего предательница такая? – кукуется Рогачова, едва за «приличным» закрывается дверь. – Зачем так подставлять?

– А не надо дуру из себя разыгрывать. Глупо, Кать. Он же не идиот, – ставлю на стол две кружки, бросаю внутрь по чайному пакету и словно между делом: – А вы что... телефонами обменялись, что ли?

– Ага, – с благоговением гладит ладонью экран своего треснутого айфона. – А вы нет?

– Да сдался мне его номер, – беру чайник и чувствую, что Рогачова меня почему-то сегодня невыносимо бесит. Вот прям как никогда.

Часть 5. Саша

– ... и вот с этим списком документов потом ко мне. Оригиналы, ксерокопии, выписки... ну ты сама всё знаешь, с бумагами работаешь.

– Спасибо, Алевтина Эдуардовна. Вы нам так помогли! – Оля «незаметно» подсовывает грузной служительнице закона пакет с «презентом». – Если бы не вы, то мне месяц это бы бегать всё собирать.

Крошечный город, неудивительно, что все друг друга знают, и многое можно устроить «по блату». Знакомый нотариус у бывшей нашёлся с поразительной скоростью. Заволновалась, наверное, что передумая, сразу же засуетилась. Так и не научилась людям до конца доверять.

Впрочем, мне её связи только на руку – нет ни времени, ни тем более желания торчать здесь лишние дни.

Распрощавшись со «спасительницей», выходим из здания нотариальной конторы в стильный осенний день. Дико холодно, хотя солнце сегодня слепит вовсю. Но не греет. Как и взгляд бывшей жены.

– До сих пор не верю, – рассматривает через прозрачный файл тощую стопку бумаг. – Неужели ты правда мне квартиру подарил?

– Брось, ну обсудили же уже всё, прекращай, – подставляю

локоть Оле, и мы вместе идём по пожухлой листве.

– Удивительный ты мужик, Градов. Повезёт кому-то...

– Это да.

Оля, распиная за нескромность, шутливо пихает меня кулачком в бок, и мы шагаем дальше, сами не знаем куда.

– Поезд когда у тебя? – спрашивает после продолжительной тишины.

– Сегодня вечером, в девять пятнадцать, – обхожу покрытую корочкой тонкого льда лужу. – Утром уже буду в Москве.

– А тебя там кто-то ждёт?

– Ты имеешь в виду женщину?

– Да... – опускает взгляд.

Замолкаю. Ну что я ей скажу? Что после нашего развода у меня толком никого не было? Вернее, как – были, конечно, но больше «для здоровья». Ни к кому особо не тянуло, да и служба не давала построить что-то серьёзное. Немного проблематично романиться, когда ты сидишь где-нибудь в бараке посреди пустыни, а она в уютной московской квартире.

Правда, один раз всё-таки рискнул «бросить якорь» пару лет назад. Порядочная, умная, красивая... но спустя несколько месяцев жизни под одной крышей – разъехались. Ну не чувствовал я, что это «оно». Зачем тогда время тратить и своё, и её...

– Я один живу, если ты об этом.

– Саш, – тормозит. Оборачиваюсь, глядя на неё, и уже без слов понимаю, что она скажет дальше:

– Может... ко мне поедem?

– Оль, ну ты опять...

Но она не даёт мне договорить – бросается с поцелуями, просто душит в объятиях. А я один уже достаточно долго, для того чтобы тело среагировало молниеносно.

– Оль, прекращай, ну, – пытаюсь увернуться, хотя что уж – больше для вида. – Ну что ты, в самом деле! С огнём же играешь.

– А может, я обжечься хочу, – выдыхает мне в губы. – Поехали! Антона нет, он на работе.

По сути, я не знаю этого её Антона, и раз женщина сама так настаивает, то почему нет? Она уже довольно взрослая, чтобы принимать подобного рода решения.

Мужская солидарность? Ну, не без этого. Только вот она всегда не вовремя затыкается, когда красивая женщина так открыто себя предлагает.

А к этой женщине у меня были чувства. Я любил её когда-то. И нам было хорошо в этом плане.

– Знаешь, мне уже тридцать три, не девочка, что уж – были у меня мужчины после нашего развода, но такого, как ты... нет, Саш. Даже близко не было.

А вот это уже вообще нечестная игра. Когда чешут мужское самолюбие, так сложно не доказать лишний раз, что да, ты абсолютно права.

– Поехали, – снова шепчет, опалая взглядом, и я прекрасно представляю, что за этим её «поехали» кроется. Недо-

вольных не останется – это будет отличный секс. Выдержанный временем. Прокачанный нажитым опытом и хорошим знанием физиологии друг друга. Такие вещи даже спустя годы не забываются. Это будут яркие полчаса или час, или... тут уж как получится, а вот потом... Потом она будет корить себя, что оступилась, я – ругать себя, что поддался. Антон этот её вообще ни за что пострадает.

Ну не люблю я её больше! Всё. Ушлѐ. И вместе мы никогда не будем.

Тогда зачем?

– Давай сделаем так, – снимаю с себя её руки и прячу в свои ладонях. – Мы сейчас выдохнем...

– Угу-у... – закусывает губу, улыбаясь.

– Потом пожмѐм друг другу руки...

– И-и?..

– Затем встанем спиной друг к другу...

– А потом...

– А потом пойдѐм в разные стороны. – Улыбка Оли медленно тает. – Уезжай, Градова-Буранова, потом спасибо мне скажешь. Кстати, – киваю, – вон твоя маршрутка.

– Ты бессердечный! – смаргивает подступающие слѐзы. – Ну кто вот так... За что?

– Я просто не хочу, чтобы ты себе жизнь сломала, вот и всё.

– Саш...

– Иди, Оль. Поезд ушѐл. И автобус сейчас уедет. Пока, –

поднимаю руку, прощаясь, а потом ухожу, уговаривая себя не оборачиваться.

Между прочим, я тоже не железный. Сложно отказать женщине, к которой так или иначе тянет. Но в то же время понимаю, что всё сделал правильно. Это было бы отличное приключение, после которого остался бы потом гадкий осадок. А я этого не хочу.

Проходя мимо уже знакомой забегаловки, решаю чего-то вдруг зайти. Чёрт знает зачем. Чаю выпить, наверное. А может, посмотреть, как кое-кто этот чай разносит...

В кафе по-прежнему дико жарко и почему-то накурено, хотя над входом висит табличка «No smoking».

– Привет, что будете? – с выражением вселенской муки на лице приветствует меня вчерашняя официантка. Кстати, довольно «помятая», судя по амбре, погуляла она вчера хорошо.

– Чай, чёрный. Без сахара, – обвожу помещение взглядом. Два столика всего занято, пусто, официанток в зале больше нет, а если вспомнить вчерашний вечер... Хотя в провинции не принято просто прийти пообедать в кафе, если уж тратить деньги – то гудеть как следует: с горячительным, плясками, караоке и желательно до самого утра.

– Ваш чай, – на стол опускается заварник с коричневыми потёками у носика.

– А Вика где?

– Кто?

– Вика. Фамилию не знаю. Здесь работает.

– Тишевская? – и приосанившись, смотрит на меня уже с большим интересом. – Так у неё выходной сегодня. А вы кем ей будете?

– Ну... пусть сосед.

– А, сосед... ну поня-ятно, – как-то странно тянет она и, окинув меня ещё раз любопытным взглядом, откланивается, не забывая при этом пару раз обернуться.

Выходной, значит, у неё. Ну ок, выходной так выходной.

Вернувшись домой, в квартире её тоже не застаю. Хотя время шестой час, лекции наверняка уже закончились. Загуляла.

Сумка в дорогу собрана, хожу без дела туда-сюда, рассматриваю своё временное пристанище, которое скоро покину. Квартира старенькая, ремонта давно не было, бардак. Девчонка, называется. По-хорошему бы Варе сначала надо было дочь поднять, вложить основу основ, а только потому личную жизнь строить. Ну кто бросает ребёнка одного? Даже в семнадцать лет. Тем более девчонку! У малолеток же и так ветер по умолчанию в голове, а тут целая квартира в свободном доступе, сложно не пойти по кривой.

Открываю дверь в её комнату и заглядываю внутрь: постель не убрана, на столе гора каких-то тетрадок, фантиков, пустых кружек с засохшими разводами чая. Потом взгляд падает на спинку кресла, а в частности – на растянутый поверх небрежно накинутых тряпок белый кружевной бюст-

гальтер. Становится как бы это... не по себе. Словно фетишист – проник на закрытую территорию и вынюхиваю. Ретируюсь из чужой спальни и оставшееся до поезда время убиваю на чтение электронной книги, отвлекаясь при этом то и дело на часы.

Семь. Восемь. Половина девятого...

Знает же, что уезжаю вечером, могла хотя бы под занавес просто прийти, попрощаться. Хотя о чём я – молодая и беспечная. Вертихвостка. Вспоминаю, как она курила ночью в моём свитере на балконе, и снова ощущаю непонятный душевный раздрай.

Где её, чёрт возьми, носит с самого утра?

Конечно, это в очередной раз не моё дело, но всё-таки... Вдруг что-то случилось?

А с другой стороны, ну кто я ей? Правильно – никто. У неё парень есть, хоть и полный придурок. Но раз она его терпит, значит, следить за ней его забота. Никак не моя.

Долго думаю перед уходом, оставить ли записку, а потом решаю, что обойдётся. Тщательно заправляю за собой постель, одеваюсь, закрываю дверь ключом Вари и пешком иду на вокзал, благо идти всего три остановки. Городок маленький, все стратегически важные места на расстоянии вытянутой руки.

Уже сидя в зале ожидания – слушая объявления поездов через громкоговоритель, наблюдая за приезжающими и уезжающими, думаю, что мне даже будет немного не хватать

этого места. Как-то здесь... уютно, что ли. Как будто нырнул через портал в прошлое, куда-нибудь в конец девяностых. Здесь и жизнь другая, и люди другие. Здесь живёт Вика, за которой было бы неплохо присмотреть и вставить в дурную голову ума.

Но опять-таки – делать это будет кто-то другой.

– «Поезд Москва – *** прибывает на второй путь четвёртой платформы».

Мой. Ну, пока, прошлое. Здравствуй, столица.

Забираю с соседнего кресла сумку и уже собираюсь свернуть к рамке допотопного металлоискателя, как вдруг ощущаю в кармане вибрацию телефона.

Номер незнакомый. Местный.

Интересно.

– Слушаю.

– Саш... Привет. Извини, что проводить не приехала.

Вика.

– Да брось, у тебя же наверняка масса неотложных дел. А... откуда у тебя мой номер? – замедляю шаг. Что-то с голосом у неё странное.

– У Катьки взяла.

– Вик, – шагаю ещё медленнее, – у тебя нормально всё?

– Да, – говорит полупшепотом, а потом всхлипывает. – Как всегда – лучше всех.

– Я же слышу, что нет! Ты там что, плачешь, что ли?

– Конечно, нет. Ещё чего!

Вот упёртая, а!

– Это он опять, да? Снова ударил?

– Неважно! Ладно, – всхлип, – всё, пока.

Вот дуручка безмозглая! Ну что ты творишь? Вика, Вика... что ты за человек-то такой!

– Где он? – резко торможу.

– Да тут, – шумно шмыгает носом, – у подъезда ошивается. Ему Маринка, напарница моя, сказала, что в кафе приходил какой-то мужик, меня искал. Ну он, конечно, сразу взбесился, поехал в шарагу, а меня там не было, мы ушли уже и у Катьки дома зависали. Так он пришёл к ней, начал в дверь барабанить, орать... – и тут словно в подтверждение её слов на заднем фоне раздался громкий стук вперемешку с отборным матом.

– Вика, б*! Открой дверь, иначе я её сейчас выбью нахрен!

Вот ублюдок конченный.

– Не открывай, поняла? Я сейчас приеду, – разворачиваюсь и иду наперекор толпе в обратную сторону.

Часть 6

– Вик, это я. Открывай.

– Ты один?

– Конечно!

Скрипит замок, а потом дверь осторожно приоткрывается: высунув голову на тёмную лестничную клетку и убедившись, что я не вступил в сговор с её отелло, она наконец сторонится, запуская меня внутрь.

– Где он?

– Не знаю, внизу никого нет, – бросаю сумку на пол и, цепляясь пальцами за её подбородок, приподнимаю лицо.

Так и есть, ударил. След от пятерни алеет до сих пор.

Выродок. И сразу злость берёт. И негодование. И непонимание.

– Как так-то, Вик? Почему ты это терпишь? Ты же вроде бы вон какая – палец в рот не клади, а позволяешь такое! Послала бы его к хренам собачьим, ты же умеешь.

– Думаешь, я позволяю? Он не спрашивает, – пытается увернуться, но я снова поворачиваю её лицо на себя.

– Ты на него заявляла?

– Издеваешься? Чтобы он меня потом живьём закопал? – губы кривятся в горькой усмешке. – Он никого не боится, отбитый на всю голову. Плевать ему на всех. То есть вообще

на всех! На меня, на полицию, на тебя. Он больной, понимаешь? И у него в ментовке дядька там какой-то, в общем... я в заднице, дядь Саш.

Несколько секунд она держится, только подбородок дрожит, а потом утыкается лбом в мою грудь и плачет.

Горько, громко... и так щемяще-искренне.

Аккуратно обнимаю её за плечи, позволяя как следует выплеснуть эмоции. Глажу по волосам, спине. Никакого сексуального подтекста, просто успокоить, но почему-то мысленно автоматически начинаю чувствовать себя неуютно. Как будто урвал момент.

– А если без заявлений, просто послать?

– Как будто я не пыталась! Столько раз – не пересчитать. Так ведь он не уходит и мне не даёт уйти: поджидает, умоляет, угрожает. То типа сам в окно выйдет, если я его кину, то меня выбросит. Я боюсь его! – поднимает на меня зарёванные глаза. – Я жить хочу, ведь он действительно неадекват.

– Ну кто тебе сказал, что он что-то сделает? Такие, как он, только громко лают, цапают за пятки исподтишка, но серьёзно никогда не кусают. Кишка тонка. Готов поспорить, что ни в одной крупной потасовке он замечен никогда не был, так, одни понты.

– Не был... Но он точно сильный!

– Конечно, сильный, по сравнению с девчонкой – ещё бы. Но прости, ты тоже хороша, если ты с ним так же разговариваешь, как со мной, то откровенно же нарываешься, – вздох-

нув, притягиваю её к себе ближе. — Дурочка ты ещё.

— Сам дурак, — шмыгает носом, а руки за моей спиной не расцепляет. — Зачем вернулся? Поезд же уехал твой.

— Чёрт с ним. Завтра новый билет куплю.

— Ну, как знаешь.

И стоим, как два сиамских близнеца. Она тоненькая такая и несмотря на боевой характер — очень хрупкая. Мне нравится её обнимать, и в какой-то момент понимаю, что куда-то не туда начинает смещаться вектор мыслей.

Так, стоп. Пора прекращать.

— Дай я хоть куртку сниму, что ли, — неохотно выпускаю её из объятий. — Иди чайник пока поставь.

Пока мою руки, слышу, как она звенит посудой на кухне, и отчего-то на душе становится как-то... не знаю, как охарактеризовать это чувство. Как будто всё, что сейчас происходит — единственно правильный исход. Я в нужном месте и в нужное время. А может, виной всему синдром супермена, когда кажется, что земной шар на грани разрушения, и только ты один способен сотворить мир во всём мире.

Позже сидим, пьём чай, чинно расположившись друг напротив друга. Из-за стенки от соседей доносятся звуки включенного телевизора. Тикают часы. След на её щеке полностью исчез, что хорошо — смотреть на это было неприятно.

— А если он сегодня опять придёт? — удерживая кружку двумя руками, делает глоток.

— Так я для этого и здесь — жду, что он придёт.

Жарко. Смахиваю со лба испарину и стягиваю свитер, оставшись в одной футболке. Вика, отбросив такт, следит за каждым моим движением.

– А если не придёт?

– А если не придёт, сам к нему в гости схожу. Где он живёт?

– Да щас, ага! Так я тебе и сказала. Размечтался. Чтобы вы там друг друга попереубивали? Нет, спасибо.

Вернулась борзая Вика. И меня это очень радует.

– Не собираюсь я его убивать. Так, поговорить по-мужски.

– Видела я твои «разговоры». Спасибо, что впрягся, что вернулся, но не надо лезть в это всё. Я сама как-нибудь. Я привыкла.

– И долго ты вот так с ним «сама»?

– Уже полтора года. Но он не сразу начал руки распускать – я бы с таким, какой он сейчас, в жизни бы не спуталась. Первое время он нормальным был, любил меня сильно – всё для меня, а потом... – опускает глаза. Смущается. Вика – и смущается, картина маслом.

– А потом вы переспали, и он изменился? – заканчиваю фразу за неё.

Кивает.

Сценарий до боли знакомый. Каждая женщина, рассказывая о жизни с тираном, начинает со слов: каким он был прекрасным, а потом...

В любом мужчине заложен инстинкт охотника: обаять, за-

получить, приручить. Только некоторые не могут вовремя остановиться и совершенно не видят берегов – владеть телом женщины им уже мало, они хотят отобрать у неё всё, включая право голоса. Они начинают распускать руки, запрещать совершать обыденные вещи, такие как встречаться с подружками, ездить одной по магазинам. А уж если узнают, что она с кем-то общается за его спиной...

Вике попался такой вот махровый тиран, и как ни странно – с её-то волевым характером – но она идеальная «жертва»: живёт одна, отношения с матерью так себе – посоветоваться не с кем, отчаянная, стало быть, будет бодаться до последнего, а стучать в ментовку не побежит.

Смотрю на неё: под глазами размазанные потёки туши, на меня до сих пор не смотрит – наверное, подобные откровения в её планы не входили, смущается. Представляю, как ей было сложно переступить через себя и убрать колючки, показать, что она, как и все девочки, нуждается в защите.

Вспоминаю красный след от пятерни на её щеке, и в крови на медленном огне закипает ярость.

Её Рустам – слабое трусливое дерьмо. И я не уеду, пока не научу его уважать женщин.

– Он зверски ревнивый, оттого все наши скандалы, – словно читает мои мысли Вика. – По его мнению, я чуть ли не с половиной города переспала.

– А ты переспала?

– Нет, конечно! Он у меня один был, я даже не целовалась

ни с кем толком до него, а уж в отношениях с ним... Но он ведь думает иначе. Чуть что – орёт, постоянно подозревает, что-то вынюхивает, пытается подловить на вранье. Достал он меня... во всех смыслах, – снова опускает глаза, и такое чувство, что хочет сказать что-то ещё, но не решается.

А вот я, кажется, начинаю догадываться. Становится откровенно не по себе.

– Он что, принуждал тебя к чему-то такому, чего ты не хотела? – чуть наклоняю голову, пытаюсь заглянуть ей в глаза. – Ви-ик...

– Мы что – на исповеди? – вскидывается. – Отстань. Только с тобой я о своей половой жизни не говорила!

– А мама знает?

– О моей половой жизни?

– О том, что он руки распускает.

Вика снова усмехается и переводит взгляд на чёрный прямоугольник окна. Молодая... а взгляд уставший.

– Мама... Да ей плевать на меня! У неё новый муж, новый ребёнок. Нафиг я ей сдалась, как собаке пятая нога. И мужуку её тем более.

– Неправда. Варя очень тепло о тебе отзывается, часто о тебе говорит, волнуется. Ты сама её ближе не подпускаешь. И переехать она тебя звала. Звала же?

– Ну, звала, – дёргает плечом. – Но ежу понятно, что так, для галочки.

– Нет, она ждёт тебя. И Марат ждёт. А маленький Семён?

Ты же даже брата своего ни разу не видела.

– Мать фотки присылала, – настырно смотрит в окно. – Может, потом как-нибудь приеду.

– Почему ты такая?

– Какая? – наконец-то переводит взгляд на меня. – И какая я, по-твоему?

– Колючая. Грубая. Никому не хочешь верить.

– А кому мне верить, дядь Саш? Отцу, которого больше нет? Матери, которая номинально есть, но живёт далеко? Или, может, Рустаму? Брось ты меня лечить своей демагогией, не сработает. Я уже давно поняла одну истину – в этом мире каждый сам за себя. Я не верю в бескорыстное добро и в принцев на белом коне больше не верю.

И молча уходит в свою комнату.

Был бы я моложе лет на десять, меня бы оскорбила эта её небрежность, даже нарочитая неблагодарность. Я из-за неё домой не поехал, а она чуть ли не виноватым меня выставляет, что я здесь и хочу помочь. Но это десять лет назад. Сейчас я понимаю, что вот это всё – просто защитная реакция недолюбленного подростка. Ну не научили жить по-другому! Не умеет она, и её вины в этом нет.

Отелло её до полуночи так и не появился, поэтому решаю, что встречу отложу на потом, а сейчас спать.

Приняв душ, ныряю под одеяло и слышу, как за дверью снова скрипит половица. После разговора на кухне она закрылась в своей комнате и больше не выходила. И вот, опять

пришла.

– Ну заходи, чего ты там встала, – произношу в темноту, и Вика, как и прошлой ночью, заходит в мою спальню. Сегодня она не в той же футболке – в другой, но тоже в провокационно короткой.

– Боюсь на площадку курить выходить, вдруг там этот пачётся... Я надену? – кивает на мой свитер.

– Ну надень.

Снова скрывается за дверью балкона, опять торопливо курит, пуляет окурок с третьего этажа прямиком в ворох пожухлой листвы.

Запустив волну ледяного воздуха, входит в дом и с лёгким стуком кладёт пачку сигарет на подоконник. Потом стягивает свитер. И стоит, не уходит. Мнётся.

– Ну чего, говори уже.

– Ты это, не психуй, ладно? Ну... что я так с тобой разговариваю. Я противная ужасно, меня мало кто вытерпеть может, я же всё понимаю.

– Ну это да, есть такое.

– И спасибо, что приехал. Мне страшно было. А с тобой нет, с тобой спокойно.

Хочется подняться и обнять её снова. Сказать, что, если ей попался один вот такой козёл, это совсем не значит, что все мужики такие. Но обниматься двум полуголым людям ночью – конструкция шаткая. Так что лучше не надо.

– Дрожишь вся. Иди под одеяло.

– Под твоё? – в голосе просыпаются нотки женского флирта.

Провоцирует, чертовка.

– Ну иди, если не боишься, – приподнимаю край одеяла и более чем уверен, что спасует – бросит что-то из разряда «размечтался» и уйдёт. Но нет, она шлёпает к кровати и уверенно забирается ко мне под бок. Ноги ледяные.

– Обними меня, что ли.

Немного обалдев, вытягиваю руку вдоль подушки и прижимаю девчонку к себе ближе. И волнуюсь.

Да, я волнуюсь! Как пацан.

– Приставать не будешь? – пытаюсь перевести всё в шутку.

– Сдался ты мне, старпёр, – кладёт голову мне на грудь, а ладонь на живот.

И всё, прощай сон. Когда ты лежишь с молодой девушкой под одним одеялом, чувство с «оберегать» сменяется совсем другим. Более примитивным. Ну и что, что дочь жены брата, какая разница – мы друг для друга никто, она давно совершеннолетняя. И был бы я опять-таки на десять лет моложе, я бы наломал дров, но сейчас... сейчас понимаю – это будет лишним. Поэтому аккуратно убираю её руку и закрываю глаза, призывая богов сна поскорее забрать меня в своё царство и не испытывать разными соблазнами.

Часть 7. Вика

Просыпаюсь я от того, что в глаза бьют солнечные лучи. И так горячо, как будто я уснула где-то на пляже у кромки моря в самый час пик. А уже секундой позже понимаю, что сплю не одна.

Рустам!

Неужели я его впустила вчера?!

Вздвогнув, разлепляю веки и вижу, что это не Самбуров, это... Саша. Лежит на спине, одна его рука заложена за голову, другая на моём плече.

Чёрт, мы же уснули вчера вместе!

По логике вещей, хорошо бы сразу же подорваться и удрать, пока он не проснулся, но... так не хочется. Да и зачем, собственно, убегать? Ничего предосудительного между нами не произошло, просто уснули вместе, подумаешь.

Пользуясь случаем, изучаю вблизи его лицо. Оно порядком заросло щетиной, но ему идёт. Ему вообще всё идёт.

Опускаю взгляд ниже: грудь мерно поднимается и опускается. На животе даже в расслабленном состоянии легко угадать очертания «кубиков» пресса. Чуть приподнявшись на локте и вытянув шею, смотрю ещё ниже... а ниже всё прикрыто одеялом.

Бли-и-ин! Он же не полностью голый спал, я надеюсь?!

Аккуратно, чтобы не разбудить спящего, подцепляю двумя пальцами край одеяла и только собираюсь приподнять, как вдруг слышу хриплое:

– А обещала не приставать.

Резко отбрасываю руку.

– Да иди ты! – сев на край кровати, нашариваю на полу тапки и с позором выметаюсь из его комнаты.

Какой чёрт меня дёрнул уснуть здесь? Сама же в постель к нему прыгнула, получается. Хотя и не за тем, за чем прыгают в постель к мужчинам, но всё равно...

А впрочем, не жалею!

И несмотря на то, что произошло вчера с этим идиотом Самбуровым, настроение отличное. И самочувствие. И почему-то хочется петь.

Кажется, я ненормальная.

– Пойдёшь со мной на пробежку? – сцепив пальцы в замок, делает резкие повороты вправо-влево, разминаясь. – Смотри, утро какое хорошее. Жаль, что солнце спряталось.

– Ты каждое утро бегаешь, что ли?

– Каждое.

– В любую погоду?

– Практически.

– Ненормальный, – фыркнув, поднимаю чайник с подставки. – Тебе овсянку твою кипятком залить потом?

– Не откажусь, – улыбается и смотрит, кажется, как-то

иначе. Не как раньше. А я почему-то не могу смотреть ему в глаза. Чёрт знает... стыдно, что ли.

Зачем я ему вчера рассказала подробности своей личной жизни? Они же его нисколько не касаются! Хотя рассказала – и как будто легче стало. И о том, что уснули вместе, не жалею. Хотя по-женски немного... обидно. Ведь даже пальцем не притронулся!

Не то чтобы я хотела – пусть бы только попробовал лапы распустить, но вот... как-то оно так.

– Ну, как хочешь, давай, – салютует мне рукой и скрывается за дверью.

Действительно ненормальный. Выходной день, спи сколько влезет, нет же, пробежка какая-то.
Отодвинув пыльный тюль, выглядываю в окно, а там...

Катка! Вот коза! В спортивном костюме и «дутой» жилетке перетаптывается у моего подъезда.
Да она в жизни не бегала, по «физре» ни одного норматива не сдала, курит как паровоз и дрыхнуть любит до обеда, а тут смотри-ка, какая любовь к спорту неожиданно вдруг проснулась!

Из-под подъездного козырька появляется Саша, они о чём-то говорят несколько секунд с Каткой, а потом вместе бегут трусцой по тротуару, о чём-то мило переговариваясь.

Вот я дура, надо было тоже на пробежку эту дурацкую соглашаться! И окна, как назло, за дом не выходят, а старое футбольное поле как раз там.

Подрываюсь в свою комнату и, распахнув шкаф, нахожу

среди кучи барахла спортивные лосины, толстовку, носки с «птичкой» Найк и уже начинаю переодеваться, как вдруг понимаю, насколько глупо это всё будет выглядеть. Ну ведь реально детский сад какой-то!

Нервно запикиваю всё обратно в шкаф и возвращаюсь на кухню, пытаюсь затолкать в себя несчастный бутерброд, смотреть в телефон и думать о чём-то хорошем, но мысли все крутятся исключительно возле этой сладкой парочки. Спелись. И долго как их нет!

Ну Рогачова! Её ждёт серьёзный разговор. Не то чтобы я ревновала, нет, но просто мне это не нравится, только и всего.

Бросаю недоеденный бутерброд и снова подхожу к окну, убираю занавеску... и ощущаю, как внутри всё словно опускается: засунув руки глубоко в карманы кожаной куртки, к дому идёт привычный Рустам, и именно в этот момент из-за угла неспешно вырывают Саши с Каткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.